

* * *

Каждому веку нужен родной язык,
каждому сердцу, дереву и ножу
нужен родной язык чистоты слезы –
так я скажу и слово свое сдержу.

Так я скажу и молча, босой, пройду
неплодородной, облачною страной,
чтобы вменить в вину своему труду
ставший громоздким камнем язык родной.

С улицы инвалид ухом к стеклу приник.
Всякому горлу больно, всякий слезится глаз,
если ветшает век, и его родник
пересыхает, не утешая нас.

Камни сотрут подошву, молодость отберут,
чтоб из воды поющий тростник возрос,
чтобы под старость мог оправдать свой труд
неутолимым кружевом камнетес.

Что ж – отдирая корку со сжатых губ,
превозмогая ложь, и в ушах нарыв,
каждому небу – если уж век не люб –
проговорись, забытое повторив

на языке родном, потому что вновь
в каждом живом предутренний сон глубок,
чтобы сливались ненависть и любовь
в узком твоём зрачке в золотой клубок.

Бахыт КЕНЖЕЕВ (1950–2024)

Бахыт Кенжеев – поэт, прозаик, переводчик, участник поэтической группы «Московское время», член Союза писателей Казахстана, дважды номинировался на Нобелевскую премию, получил «Антибукер» и медаль «За заслуги перед отечественной словесностью», выпустил более 20 книг стихов и прозы. Родился в Шымкенте, умер в Нью-Йорке.

«Поэзия сродни любви между мальчиком и девочкой, физической любви. Это очень интимный акт. Я, например, сам очень люблю стихи, это самое главное, что я в жизни люблю...» (из интервью).

Часовая башня в Нью-Йорке

* * *

Говори – словно боль заговаривай,
бормочи без оглядки, терпи.
Индевеет закатное зарево,
и юродивый спит на цепи.

Было солоно, ветрено, молодо.
За рекою казенный завод
крепким запахом хмеля и солода
красноглазую мглу обдаёт

до сих пор – но ячмень перемелется,
хмель увянет, послушай меня.
Спит святой человек, не шевелится,
несуразные страсти бубня.

Скоро, скоро лучинка отщепится
от подрубленного ствола –
дунет скороговоркой, нелепицей
в занавешенные зеркала,

холодеющий ночью анисовой,
догорающий сорной травой –
всё равно говори, переписывай
розоватый узор звуковой...